

UDC 82

SPECIFICITY OF CENTRAL CHARACTER'S IMAGE CREATION IN L. STERNE'S WORK 'THE LIFE AND OPINIONS OF TRISTRAM SHANDY, GENTLEMAN'

¹ Alevtina N. Demidenko

² Elizaveta Yu. Pshenitsyna

¹ Sochi State University for Tourism and Recreation
Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia
PhD (Philology)

E-mail: aleo07@inbox.ru

² Sochi State University for Tourism and Recreation
Sovetskaya street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000, Russia
Student

E-mail: elizabethbread@gmail.com

The article deals with specificity of central character's image creation in L. Sterne's novel 'The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman'.

Keywords: character's image, author – character – narrator, psychological analysis.

Роман Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», изначально создавался «от противного», нарушая все принятые традиции и признанные каноны, явившись новой вехой в литературной истории как Европы, так и мира. Для произведений этого периода был характерен «просветительский реализм», включающий жизнеподобие. Основным содержанием здесь становились описания приключений и иных событий, которые могли быть далеки от истины, но выдавались автором за правду и обладали безусловной занимательностью («Путешествия Гулливера» Д. Свифта, «Приключения Робинзона» Д. Дефо, «История Тома Джонса, Найденыша» Г. Филдинга). В центре поэтики таких романов оказывались продуманные и четко прорисованные портреты персонажей, картины событий, описания местности и т.д. Название «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» настраивает читателя на жизнеописание героя, его философские размышления (вспомним «Опыты» М. Монтеня), где всякое отступление, любая временная и композиционная перестановка строго мотивированы и оправданы. Но, несмотря на канонические представления о данном жанре, движение сюжета подчиненно лишь ассоциативным связям идей автора [1].

Неожиданностью для читателей этого романа стало отсутствие привычного изобразительного ряда произведения: автор уделил основное внимание сумбурным рассуждениям своего главного героя Тристрама Шенди, а также описанию малейших оттенков его переживаний или размышлений. При таком отношении к изображаемому Стерн вынужден был создать новый для своего времени образ главного героя, включая портрет, характеристику речи, окружающую Тристрама обстановку и его взаимоотношения с другими персонажами романа.

Главный герой – Тристрам Шенди – есть одновременно действующее лицо и рассказчик. Его внешний облик, за исключением определенных физических деталей (наличие проведенной циркумцизии, деформированный при рождении нос), в произведении отсутствует. Также в тексте нет его прямой речи, линейно развивающегося времени показываемых событий. Есть только авторская, косвенная речь, информирующая о происходящем и «мнениях» рассказчика, которые

соединяются в сознании читателя в единое целое. Окружающие Тристрама персонажи романа не могут дать его описания или выразить свое отношение к нему, поскольку в роли рассказчика он описывает их из другого времени, оставаясь для действующих лиц романа недостижимым.

Формирование целостного характера Тристрама все же показано. Это происходит при помощи социальных стереотипов (значение имени, длина и форма носа, обрезание), переданных не как факт, а как «аргументированное» утверждение, которому стоит следовать и подражать, – один из главных подходов к созданию образа главного героя. Благодаря специфичному сюжету возможно вариативное объяснение характера. Например, как уже было сказано, все социальные предубеждения хоть и утрированы, но подробно объяснены и расписаны рассказчиком, в то время как кривизна носа или даже ужасное имя не помешало стать Тристраму Шенди человеком, да еще и таким, который способен «написать книгу о человеческих характерах».

Специфика создания образа Тристрама заключается еще и в том, что в нем объединяются автор, рассказчик и герой романа. Мнения и размышления Тристрама-рассказчика характеризуют его как интеллектуального, эмоционального, ироничного, в некоторых моментах саркастичного собеседника. Разделить высказывания автора и Тристрама, а тем более их иронию и сарказм, которыми переполнена книга, в большинстве эпизодов практически невозможно. Герои романа имеют прототипы, состоящие из окружения самого Стерна, йоркского священника, который под именем проповедей пастора Йорика поместил в роман свои творения.

Образ Тристрама лишен не только портрета, но и описания его поступков, решений, ситуаций выбора, которые во многих произведениях являлись отражением определенных сторон характера героя. То есть отсутствует не только описательная составляющая, но и такая важная для просветителей оценка нравственности, морали, твердости характера и так далее. Вместо этого перед читателем оказывается зеркальное отражение знакомых ему моральных терзаний, нравственных страданий, изложенных вроде бы вскользь, витиеватым языком, но таких понятных каждому: «Нечего нам напускать на себя важность и делать вид, будто ругательства, которые мы себе позволяем в нашей хваленой стране свободы, – наши собственные, – и на том основании, что у нас хватает духу произносить их вслух, – воображать, будто у нас достало бы также ума их придумать. Я берусь сию же минуту доказать это всем на свете, за исключением знатоков, – хотя я объявляю, что возражения мои против знатоков ругани только такие – какие я бы сделал против знатоков живописи и т. д. и т. д. – вся эта компания настолько обвешана кругом и офетишена побрякушками и безделушками критических замечаний, – или же, оставляя эту метафору, которой, кстати сказать, мне жаль, – ибо я ее раздобыл в таких далеких краях, как берега Гвинеи, – головы их, сэр, настолько загружены линейками и циркулями и чувствуют такую непреодолимую склонность прилагать их по всякому поводу, что для гениального произведения лучше сразу отправиться к черту, чем ждать, пока они его растерзают и замучат до смерти» [2].

Обратим внимание на то, что это два предложения, внутри которых разворачивается два диалога – диалог с читателем в начале и диалог с самим собой далее. Речь, построенная таким образом, сложна для восприятия, но отражает «формирование мысли», протекающее непосредственно во время написания. Тем самым Стерн изображает сознание героя в момент творческого процесса мышления. Переход с мысли на мысль в пределах одного предложения схож с переходом с события на событие в сюжетной основе произведения.

Тристрам, выступая героем-рассказчиком, обращается к воспоминаниям о своем появлении на свет, начиная с зачатия. Кого представляет читатель? Младенца из второй книги или уже взрослого Тристрама, пожелавшего поговорить о себе? Зато с первых страниц романа читатель знакомится с героем как бы изнутри, с его сокровенными переживаниями, размышлениями и тайными намерениями, в которых традиционному герою было бы стыдно признаться себе, не то что читателю.

К.Н. Атарова [3] называет «Жизнь и мнения...» «романом-игрой», так как Стерн создает новую структуру, которая следует ходу мысли рассказчика, а мир его романа имеет форму, как бы присущую самому мыслительному процессу. Герой постоянно занимается самоанализом и анализом человеческой природы. В этом процессе возникает психологический эффект, позволяющий читателю через мысли рассказчика увидеть себя в неприглядных ситуациях или неприятных мыслях, в которых не хочется сознаваться, но которые безжалостно раскрываются автором. У его главного героя появляется еще одна характерная черта: отражение сокровенной душевной жизни читателя. Человек непоследователен в своих поступках: он так часто действует в противоречии со своими лучшими убеждениями. Он «изнывает от ран, которые имеет возможность вылечить», вместо этого чувствуя себя «жалким, несчастным созданием, бессильным уйти от судьбы...». Это позволяет сделать вывод о том, что Стерн строит образ персонажа, который будет характерен уже не для XVIII века, а гораздо более поздних эпох.

Примечания:

1. Tikhonova A.B. The features of scientist's lingual identity as representative of Russian cosmism discourse // European researcher. 2010. № 2. P. 207–211.
2. Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. М., 2004. С. 180.
3. Атарова К.Н. Стерн и европейский роман первой четверти XX века / Писатель и жизнь. М., 1987. С. 314–328.

УДК 82

СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Л. СТЕРНА «ЖИЗНЬ И МНЕНИЯ ТРИСТРАМА ШЕНДИ, ДЖЕНТЛЬМЕНА»

¹ Алевтина Николаевна Демиденко

² Елизавета Юрьевна Пшеницына

¹ Сочинский государственный университет туризма и курортного дела
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Кандидат филологических наук
E-mail: aleo07@inbox.ru

² Сочинский государственный университет туризма и курортного дела
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а
Студент
E-mail: elizabethbread@gmail.com

Статья посвящена специфике создания образа главного героя в романе Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена».

Ключевые слова: образ героя, автор – герой – рассказчик, психологизм.

UDC 80

**M.YU. LERMONTOV'S LINGUISTIC/LITERARY PERSONALITY
THROUGH PERSPECTIVE OF LINGUISTIC PERSONALITY PERCEPTION
BY PHILOLOGIST V.V. VINOGRADOV**

Larisa N. Kuznetsova

Sochi State University for Tourism and Recreation Anapa branch
Chekhova street 68, Anapa city, Krasnodar Krai, 353440, Russia
Senior lecturer
E-mail: larniko6@mail.ru

The article considers M.Yu. Lermontov's linguistic / literary personality through perspective of linguistic personality perception by Great Russian scientist-philologist and linguist, Academician V.V. Vinogradov.

Keywords: M.Yu. Lermontov's idiostyle, linguo-rhetorical paradigm, ethos-motivation-dispositive characteristics.

Язык произведений писателей XIX века представляет для исследователей особый интерес, потому что в нем отражаются те языковые процессы, которые начались во второй половине XVII столетия (стилистическое смешение разнородных по своему происхождению элементов, возрастание роли активной русской устной речи, европеизация общественно-бытовой, обиходной речи), малоизученные языковые особенности многих писателей XVIII века. Как указывает А.П. Чудаков, «в работах Виноградова 1934–1969 гг. и представлен, по сути дела, первый опыт исторической поэтики русской литературы на основе эволюции ее словесно-повествовательных форм от Карамзина до Толстого» [1].

Изучение идиостиля М.Ю. Лермонтова, его языковой и литературной личности представляет важный интерес для уяснения общих путей развития русского литературного языка и языка художественной литературы. На это указывал и В.В. Виноградов в работах «О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв.» и «Стиль прозы Лермонтова» [2].

В.В. Виноградов впервые в отечественной науке проследил трансформацию стиля М.Ю. Лермонтова. Вслед за Б.М. Эйхенбаумом В.В. Виноградов отмечает отсутствие «чистого повествования», заменяемого «эмоционально-риторическим комментарием в стиле поэм», но, в отличие от автора книги «Лермонтов», подробнейшим образом, по своему обычаю, рассматривает все эти приемы напряженной романтической декламации, «ветхой», трафаретной отвлеченно-риторической фразеологии, синтаксиса, дает инвентарь перенесенных из стиха формул. Этот всесторонний подход известного филолога позволяет интерпретировать идиостиль М.Ю. Лермонтова с позиций лингвориторической парадигмы, включающей девять компонентов: этос, логос, пафос; тезаурус, прагматику, ассоциативно-вербальную сеть (АВС); инвенцию, диспозицию, элокуцию. Статья В.В. Виноградова «Стиль прозы Лермонтова», затрагивающая такие тексты М.Ю. Лермонтова, как «Вадим», «Княгиня Лиговская» и «Герой нашего времени», рассматривается нами в ракурсе трех групп лингвориторических (ЛР) параметров как исследовательской призмы для любого типа дискурса: этосно-мотивационно-диспозитивных, логосно-тезаурусно-инвентивных и пафосно-вербально-элокутивных – в разработке А.А. Ворожбитовой [3].